

Генри сидел у озера в оцепенении. Он не мог поверить в открывшуюся перед ним реальность. Каким-то образом он превратился в ящерицу. Точнее, в дракона. Он взглянул на себя через отражение на спокойной и чистой поверхности озера. У него были очертания ящерицы, но его кормили стероидами. Он представил себе, как выглядела бы ящерица, если бы её мышцы были отточены и утончены, как у человека. Бледно-черная чешуя покрывала все его тело. Его глаза были похожи на пару янтарных кристаллов, вставленных в глазницы. От его головы до начала хвоста торчали крошечные шипы. Два ряда зубов напоминали края зазубренного ножа. Его хвост был такой же длины, как и тело, и он постоянно двигался и развевался, как лист, подхваченный сильным порывом ветра. Крыльев у него не было. Он проверил. Не было никаких признаков того, что у него выросли крылья.

Как ни крути, он был похож на дракона в зачаточном состоянии. Но откуда он знал, что это дракон? Все было просто: он прочитал слишком много фантастических историй и выдумок, когда еще был человеком. Для такого фанатика, как он, не составило труда понять, что с ним произошло. Сейчас он находился на пути реинкарнации, но проблема заключалась в том, что он не мог вспомнить, что с ним произошло. Его воспоминания были смутными и размытыми. Он помнил свое имя - Генри. Он помнил, что у него была семья, но не мог вспомнить, кто они и сколько у него братьев и сестер. Он помнил, что был родом с планеты Земля. Он помнил, что ему было двадцать четыре года до того, как он попал в это затруднительное положение.

И что самое странное, он не чувствовал тоски по той жизни, которую вел до этого. Как будто жизнь до этого была закончена, и здесь его место. Он скучал по своей семье, но не настолько, чтобы плакать или рыдать по этому поводу. Он не мог вспомнить, были ли у него друзья, но, учитывая, что он так много предавался фантастике, он сомневался, что они у него были. Однако какая-то часть его сознания подсказывала ему, что друзья у него действительно есть, но сейчас это было неважно, поскольку он не мог вспомнить ничего, кроме имени и ласк. Было бы ложью сказать, что он никогда не представлял себя в подобной ситуации, но теперь, когда он действительно оказался в такой ситуации, он не чувствовал восторга. Есть вещи, которые лучше оставить в качестве фантазии и вымысла. Это одна из них.

Он не знал, сколько времени прошло, пока он сидел у озера и предавался жалости к себе. От травы у него начал болеть зад, а он ничего не мог сделать. Если бы он встал, его конечности стали бы жертвой. Не было ни обуви, ни одежды, которую можно было бы надеть. Теперь, когда он подвергался воздействию стихии, его начала одолевать тоска. Он тосковал по комфорту, который у него был, и по своему человеческому телу. С его телом все было в порядке, но в то же время его чувствам все казалось неправильным. Теперь, когда он узнал, что он дракон, он понял, насколько изменилось его зрение по сравнению с тем, когда он был человеком. Сначала он списал это на сонливость и тревогу, но теперь, когда первое прошло и осталось только второе, он понял, что это не влияние его психического состояния, а просто то, как глаза дракона воспринимают мир.

Что же мне теперь делать... ?

Он продолжал сидеть у озера. Он не знал, где находится. Он не знал, как он здесь оказался. У него не было цели. Если у него и была какая-то цель, то это выжить. Хотя он не видел никаких непосредственных угроз, его внутренности подсказывали ему, что опасность всегда подстерегает его. Угрозы просто ждали подходящего момента, чтобы наброситься на него. Он не знал, почему он это знает. Он просто знал.

'Может быть, все это просто сон...' - такая мысль пронеслась у него в голове. Несмотря на все то, что он пережил совсем недавно, трудно было считать все это просто сном. И все же он надеялся, что это всего лишь ясный сон и через несколько мгновений он проснется. Он начал смеяться над своим оптимизмом. Он смеялся над своим отрицанием и над своей способностью сохранять такой оптимизм. Его смех разнесся далеко по округе. Он слышал, как смеется сам, вспоминая, что он действительно больше не человек.

В этот момент по воде пошла рябь, и по его позвоночнику пополз холодок. Поверхность воды раскололась, и из озера выплыло крокодилоподобное чудовище с раздвоенными челюстями. Генри закричал во всю мощь своих легких, но вместо этого из его горла раздался резкий рев. Крокодилоподобное существо захлопнуло челюсти, но не на Генри. Вместо этого оно вцепилось в какое-то богомолоподобное существо, которое подкралось к нему без его ведома. Генри с расширенными глазами смотрел на представшую перед ним сцену. Крокодилообразное существо было огромным. Поскольку он находился в младенческом возрасте, он не знал, насколько велико было крокодиловое существо, но, тем не менее, он был размером с ладонь крокодилового существа. Проглотив богомола, крокодилоподобное существо отступило назад в озеро.

Вокруг него снова стало спокойно, и озеро вернулось к своему безмятежному состоянию.

Хотя Генри был благодарен, он ни за что не остался бы здесь, иначе стал бы вторым блюдом для крокодилов. Поэтому он придал своему телу соответствующую позу и начал двигаться. Ощущение было такое, как будто он впервые едет на велосипеде. Заставить свое тело двигаться

было легко, но сложнее всего было удержаться в вертикальном положении. В отличие от человека, дракон передвигался на четырех конечностях, и они не различали, какая из них рука, а какая нога. На передних конечностях у него были большие пальцы, но не более того. Он пробовал ходить на двух ногах, но это быстро оказалось невозможным. Это было сродни тому, как если бы человек пытался ходить на одной ноге.

Несмотря на то, что он экспериментировал со своим новым телом, он не терял бдительности по отношению к окружающему миру. Чувство опасности не покидало его. Ходить в новом теле и так было достаточно трудно, не говоря уже о том, чтобы быть предельно внимательным к окружающему.

Брызги теплого солнца вывели его из глубокой задумчивости, и он огляделся вокруг. Каким-то образом он забрел на поляну. Деревья здесь были редкими, и солнце пробивалось сквозь них. Даже трава и деревья выглядели гораздо менее мрачными, когда на них падал свет. На первый взгляд, это было хорошее место для того, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. Однако чувство опасности все еще оставалось. На самом деле оно только усилилось, когда он вошел на поляну.

'Что-то следит за мной, и оно близко', - это осознание пришло слишком поздно, когда что-то пронеслось по воздуху и врезалось в него. Его мир закружился, и он кувырком полетел на землю. Вспомнив о своих когтях, он впился ими в землю и не дал себе упасть дальше. Он опомнился и бросился на своего обидчика, обнажив клыки и рыча. Он хотел выглядеть злым и жестким, но существо, стоявшее перед ним, заставило его отказаться от этой попытки.

Напавшая на него сороконожка была примерно его размера. Спина её была покрыта веществом, похожим на зелень, которое помогало сороконожке маскироваться среди травы. Сороконожка подняла переднюю часть тела и клацнула клешнями. Её антенны беспорядочно мотались, усиливая устрашающий фактор.

Генри почувствовал, как его конечности мгновенно превращаются в желе. Он хотел повернуть хвост и убежать, но какая-то часть его души не давала ему этого сделать. Борись, говорило оно ему. Убей эту тварь, кричало оно ему. Если ты сейчас отступишь, оно никогда не перестанет тебя преследовать, - услышал он голос. И он согласился. Он был всего лишь сочной добычей. Хищники, которые еще не напали, вероятно, опасались других хищников, а не потому, что он

был драконом. Он увидел свое отражение. Каким бы драконом он ни был, он не выглядел устрашающе. На самом деле, он выглядел послушным и уязвимым.

'Сражайся! Разорви эту тварь на части!' - закричал Генри в своем сердце, подстегиваемый необоснованной яростью, бурлящей в нем. Из глубины своих легких он издал рев. Вместе с его криком пронесся порыв ветра. Сороконожка замерла перед его ревом, вероятно, ошеломленная внезапной храбростью маленького дракона. По зову внутреннего голоса Генри в этот момент сделал выпад. Хотя голос велел ему укусить сороконожку, Генри вместо этого использовал свои когти. Он даже не хотел представлять, как будет пахнуть сороконожка изнутри, не говоря уже о том, чтобы попробовать её на вкус. Он погрузил когти в панцирь сороконожки, и из него хлынула липкая субстанция, похожая на слизь. Он почувствовал облегчение от того, что его желудок был пуст. В противном случае он бы все выблевал.

Сороконожка закричала и взмахнула лапами, отбросив Генри назад. Она крутанулась и ударила хвостом прямо в тело Генри. Сороконожка отнюдь не была быстрой, но поскольку Генри все еще не привык к своему новому телу, ему было трудно двигаться быстро. Его мир закружился, но не перевернулся. Вопреки его ожиданиям, он только зашатался. Сороконожка оказалась не такой сильной, как он полагал, ведь всего минуту назад он был отправлен в кувырок. Сороконожка зашипела и сделала выпад, подняв серповидные когти. Спереди у нее была пара конечностей, которые были в три раза длиннее остальных конечностей, изогнутых в форме серпа. Оно метнуло свои серповидные когти в Генри. Он уклонился от удара, и это оказалось легче, чем можно было ожидать. Шея дракона была более растяжимой, чем у человека.

Сороконожка с каждым ударом устремлялась вперед, а Генри отшатывался назад с каждым уклонением. Сороконожка не была быстрой. Он знал, что если он нанесет ответный удар, то нанесет сильный удар, но это было легче сказать, чем сделать. Беспочвенный страх сковывал его. Первобытные человеческие инстинкты, сомнения и осторожность, все еще были в нем укоренены. С другой стороны, голос кричал ему, что нужно дать отпор. Он разрывался между тем, к кому прислушаться, но неизбежно следовал голосу своей человеческой стороны, продолжая отступать от многоножки.

Пока его спина не уперлась в пень, и ему некуда было бежать.

Инстинкты его драконьей стороны закричали громче прежнего. Он пригнул голову, чтобы не быть обезглавленным, когда серповидный коготь многоножки замахнулся на него. Апперкот, сказал ему голос. Генри повиновался и свернул лапу в кулак, а затем взмахнул ею вверх. Его кулак поймал челюсти сороконожки. Он почувствовал, как трескается панцирь сороконожки. Она попятилась назад, и Генри нанес еще один удар в её открытое туловище. От его удара сороконожка отпрянула назад и покатилась по земле. Генри держал передние конечности перед лицом, как боксер, но, когда он упал вперед, он раздвинул передние конечности и поддержал себя, прежде чем его лицо ударилось о землю. Он сам удивился. Поднимать руки вверх в качестве защиты было естественно. Это было инстинктивно.

Неужели я был бойцом?

Его размышления закончились, когда сороконожка с рычанием поднялась на ноги. Она бросилась на него без паузы, казалось, не обращая внимания на полученные раны. Кровь постоянно лилась по её следу, когда она двигалась. Возможно, воодушевленный своими удачными ударами, Генри встретил натиск сороконожки, подняв кулак. Он нанес прямой удар, но сороконожка уклонилась от него. Существо насмешливо шипело и нанесло ответный удар. Серповидный коготь прочертил порез по задней части его тела. Жгучая боль распространилась по всему телу. Это было так же больно, как рана от пули, но он не знал, почему он знал, как выглядит рана от пули.

Генри бросил хук, и сороконожка увернулась и от этого удара. Даже если она не была быстрой, она все равно была быстрее, чем его удары. Сороконожка наносила удары после каждого уклонения. Постепенно Генри терял свое преимущество. Сороконожка весело смеялась над своей очевидной победой, нанося один удар за другим. Она даже начала издеваться над Генри, хихикая после каждого встречного удара.

'Разорви эту жалкую тварь на куски!' - Генри прислушался к голосу, получив десятую рану. Когда сороконожка нанесла удар, он рванулся вперед головой и с хрустом ударил сороконожку по "шее". Сороконожка болезненно вскрикнула и ударила своим телом. Кровь мерзкой твари сочилась ему в рот, и он поборол желание блевануть. Он вложил в челюсти еще больше силы, крепче сжимая жуткую гусеницу, и она закричала еще громче. Многоножка вонзила в Генри свои серповидные клешни, но он удержал её передними конечностями. Используя свою превосходящую силу, он выкручивал серпы сороконожки, пока из разрывов не брызнула кровь. Сороконожка закричала еще громче, чем прежде, и с силой отбросила Генри от себя. Однако от укуса Генри оторвался кусок плоти и кишок. Из огромной зияющей раны хлынула кровь.

Генри не упал, когда его бросили. Он уже знал этот прием. Он глубоко вонзил когти в землю и не дал себе потерять равновесие. Он стряхнул с себя мгновенное оцепенение и выплюнул все, что попало ему в рот. На вкус это не было похоже ни на что из того, что он когда-либо ел, или, по крайней мере, на то, что он помнил, что когда-либо ел.

С каждой секундой движения сороконожки становились все более вялыми. Она уставилась прямо на Генри с яростью во взгляде. Она отчаянно извивалась, приближаясь к нему, но на полпути остановилась. Тело еще некоторое время подергивалось, прежде чем совсем перестало двигаться. Глаза были неподвижны, но из них непрерывно текла кровь, и они были устремлены на Генри. Его охватила дрожь, и он отвернулся от мертвого жука.

Генри вздохнул с облегчением и опустился на землю. Он думал, что будет трудно оценить раны на спине, но это оказалось не так. Его шея изогнулась и проворно вытянулась, открыв ему хороший обзор спины. Это немного тревожило, но он быстро к этому привык. Последыш сороконожки был гораздо более ужасающим зрелищем по сравнению с его податливой шеей. Раны не были серьезными. Они были неглубокими, но их было довольно много. Его кровь все еще была красной, и это радовало, хотя он не знал, почему это радовало. К этому моменту он устал от самобичевания, которое не оставляло его без ответа.

Чувство опасности отступило раньше, чем он осознал, но схватка с многоножкой слишком вымотала его, чтобы беспокоиться об этом. Он просто хотел отдохнуть, но не мог сделать это здесь, иначе ему грозила еще одна засада, подобная этой.

Наверное, сначала надо найти место, где можно отдохнуть, не опасаясь нападения из ниоткуда.

Он думал сделать эту поляну своим убежищем, но тут же отчитал себя за эту глупость. Поляна была слишком открытой и не имела никакого укрытия. Это делало его уязвимым перед стихией и другими опасными монстрами. Лучше всего подойдет пещера, сказал он себе. С этим планом он отправился в лес, настороженно следя за каждым движением природы. Здесь, как говорится, были джунгли.

<http://tl.rulate.ru/book/71574/1982762>